

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №2, Том 13 / 2022, No 2, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/51FLSK222.pdf>

DOI: 10.15862/51FLSK222 (<https://doi.org/10.15862/51FLSK222>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Павлова, И. П. Приемы эвфемистической субституции в табуированной речи (на материале якутского языка) / И. П. Павлова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/51FLSK222.pdf> DOI: 10.15862/51FLSK222

For citation:

Pavlova I.P. Methods of euphemistic substitution in taboo speech (based on the Yakut language). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2(13): 51FLSK222. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/51FLSK222.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.15862/51FLSK222

Павлова Ирина Петровна

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск, Россия
«Филологический» факультет
Заведующий кафедрой «Общего языкознания и риторики»
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: ipavlova27@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-7412>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=402871

Приемы эвфемистической субституции в табуированной речи (на материале якутского языка)

Аннотация. Статья посвящена проблеме языкового табу и эвфемизмов на материале якутского языка и культуры народа саха. В традиционной культуре якутского народа явление табу приводило к созданию заменных слов в системе языка, которые являются вторичными номинациями. Изучая механизмы их появления, можно заниматься исследованием взаимодействия мышления человека, его языка и окружающей действительности. Целью нашего исследования явились средства образования эвфемизмов: изучению подвергается обширный словарь эвфемизмов, составленный автором на основе нескольких источников. Различные приемы эвфемистической субституции выявляются, прежде всего, в плане семантическом. Эвфемизм и табуированное слово связаны в большинстве случаев метафорой, в основе которой лежат образные ассоциации. При этом происходит транспозиция, в основе которой лежит не только семантическое, но и функциональное сопоставление языковых единиц. Эвфемизмами являются номинации, основанные на метонимии, синекдохе, синонимии, антонимии, а в качестве субститутов используются иноязычные слова, диалектные и устаревшие слова. Также актуальны принципы синонимической, гиперогипонимической субституции. В основе последних лежит логическая перифраза, не прямое описательное обозначение предмета и явления действительности. В большинстве случаев смысловые компоненты эвфемизма соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии. Культурный и исторический фон, окружающий каждое слово, является неотъемлемым компонентом значения номинации. Наличие специального термина харыс тыл в якутском языке, называющего оберегающие слова, то есть эвфемизмы, демонстрирует особое отношение к слову, выполняющему магические функции в человеческом коллективе.

Ключевые слова: традиционная культура; табу; эвфемизм; харыс тыл; троп; транспозиция; вторичная номинация

Проблема языкового табу и эвфемизмов особенно ярко выявляется на материале традиционных культур, к которым относится якутская лингвокультура. В современных исследованиях существенно возрос интерес к традиционным культурам, так как даже в наше время глобализации и информатизации традиция становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность [1]. «Традиционная культура, связанная с повседневной жизнью народа и представляющая собой часть мировоззрения, сохраняет и закрепляет в себе важные элементы традиционного миропонимания человеком окружающей его действительности» [2, с. 221].

Изучая явление табу и образные ассоциации, лежащие в основе эвфемизмов, а также связывая эти вопросы с теорией номинации, можно заниматься исследованием взаимодействия мышления человека, его языка и окружающей действительности.

Обзор научных работ, связанных с проблемой табу и эвфемизмов, выявляет общие закономерности, принципы создания эвфемизмов, но вместе с тем в каждом конкретном языке имеются своеобразные способы построения заменных субститутов. В якутской духовной культуре язык выполняет весьма специфическую функцию: при помощи слов можно воздействовать на негативные явления, в частности, природы.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» эвфемизмы определены как «эмоционально-нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными»¹. Имена, которые употребляются вместо запрещенных в силу религиозных верований, называются исследователями табу по-разному: эвфемизмы, подставные имена, разрешенные слова, заменные слова, субституты и т. д. Несмотря на некоторые разногласия в употреблении термина *эвфемизм*, можно говорить о сложившейся традиции рассматривать эвфемизмы в тесной связи с явлением табу.

В якутском языке сохранился специальный термин *харыс тыл* «оберегающее слово» для обозначения подставных имен, возникших вследствие табу. Э.К. Пекарский в своем словаре в качестве пометы эвфемизмов использовал сочетание *харыстаан этэр тыл* (сокр. х.э.т.), буквально: «слово, сказанное оберегаючи» и сущность термина определил так: «Условное название, даваемое какому-либо предмету из предосторожности, боязни, ради охранения от несчастья «оберегаючи» (напр. ат говорят талаһа, вм. сугэ — киргил и т. п.)» [3, с. 2938].

Постепенно появляется особый эвфемистический словарь, то есть словарь разрешенных заменных слов^{2,3}. Тайная иносказательная речь, полная всяческих условностей, прежде всего была присуща охотникам-промысловикам и дорожным людям. Средства создания эвфемизмов рассматриваются нами на примере «Словаря эвфемизмов якутского языка», созданного на основе нескольких источников [3; 4].

Приемы эвфемизации многообразны. Эвфемизм и табуированное слово связаны в большинстве случаев метафорой. «Метафора — троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990, с. 590

² Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — 390 с.

³ Образцы вилюйских эвфемизмов, собранные С.И. Николаевым и Г.Р. Кардашевским / Николаев С.И. // К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сб. статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. — Якутск: Институт языка, лит-ры и истории, 1961. — С. 47–66.

другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении»⁴. По мнению Н.Д. Арутюновой, для метафоры естественна функция характеристики [5, с. 149]. Но кроме своей первичной функции метафора может явиться и источником новых значений слов, которые способны выполнять номинативную функцию. Иначе говоря, происходит перенос названия с одного предмета на другой на основе сходства по форме: *ойобос* «бок, ребро» в м. *айа* «самострел, лук для добычи зайцев» [3, с. 1803], *мөчөкө* «ком, колобок» [3, с. 1616] в м. *сүөһү*, *кыыл сүрэбэ* «сердце у животных»², *кыталык* «стерх, журавль белый» в м. *саа* «ружье» [3, с. 144]; по цвету: *кытарар* «краснеющий» в м. *уот* «огонь» [3, с. 1443], *хантаҕас* «красная смородина, кислица» в м. *хаан* «кровь» [3, с. 3324], *хара* «черный» в м. *эһэ* «медведь» [3, с. 308; 5, с. 280]; по физическому состоянию (консистенции): *кул* «зола, пепел» в м. *бурдук* «мука» [3, с. 1284], *сылбырхай* «жидкий» в м. *уу* «вода» [3, с. 2446], *кытаанах* «твердый, крепкий, плотный» в м. *мас* «дерево» [3, с. 1442]; по сходству ассоциаций, впечатлений: *моохуй* «нечто страшное, ужасное» в м. *абааһы* «злые духи» [3, с. 1598], *ныкаа* «нежный» в м. *кыыл оҕото* «звереныш» [4, с. 98] *тойон* «господин, владыка» в м. *эһэ* «медведь» [3, с. 2708].

При метафорическом переносе вторичная номинация чаще всего, не называя предмет, описывает его характерные признаки. Вследствие этого — табуированное слово и эвфемизм различаются принадлежностью к частям речи: эвфемизм — прилагательное, а табуированное слово — существительное. Например, *кырыылаах* «с острием», «гранчатый», «гранный», «граненный» в м. *быһах* «нож» [3, с. 1425], *килбиэннээх* «блестящий, сияющий, лучезарный, светящий» в м. *күн* «солнце» [3, с. 1086], *төгүрүк* «круглый» в м. *кытыйа* «чаша, миска» [3, с. 2763], *хантаҕай* «плоский, гладкий» в м. *хайыһар* «лыжи» [3, с. 3323], *хатыылаах* «иглистый, шиповатый, колючий» в м. *харыйа* «ель» [4, с. 160], *арбаҕастаах* «одетый в ветхую доху» в м. *эһэ* «медведь» [3, с. 140].

В условном языке состав частей речи иной: наблюдается преобладание прилагательных как самых номинативных частей речи.

Таким образом, при возникновении вторичных номинаций в табуированной речи происходит транспозиция, в основе которой лежит не только семантическое, но и функциональное сопоставление языковых единиц. О такой же транспозиции, которая может сопровождать процесс метафоризации значения, говорит Н.Д. Арутюнова [5, с. 149]. По ее мнению, при этом происходит переход из разряда идентифицирующих имен (это в основном конкретная лексика) в категорию предикатов (прилагательные, глаголы, оценочные существительные) или наоборот [5, с. 149].

Интересно, что при транспозиции в основу эвфемизма кладется один признак, который в табуированной речи может реализоваться в двух синонимах, например: *сылбырхай* «жидкий» и *убаҕас* «жидкий, редкий» в м. *уу* «вода».

В нашем материале нередки случаи метафорического переноса, когда те или иные признаки, действия живых существ (чаще человека) становятся основой для наименования предметов неодушевленных, а также представителей животного мира. Например, *киһиргэс* «хвастливый, хвастун, самохвал» [3, с. 1112] — в м. *мутукча* «хвоя» [4, с. 52]; *атас* «друг, приятель, товарищ» [3, с. 190] — в м. *киис атыыра* «соболь-самец»⁵. В наших примерах качества, присущие человеку, присваиваются представителям растительного и животного

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия. — с. 269.

⁵ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976 — с. 177.

мира. Указанное служит подтверждением тезиса об одухотворенности всей природы, приравнивании ее к человеку, что столь характерно для традиционного мировоззрения.

В сфере табуированной лексики метафора способна выполнять две функции. На первый план выходит номинативная функция, когда метафора служит целям номинации, то есть закрепляется за объектами в качестве наименования. Одновременно с этим во вторичных номинациях проявляется и характеризующая функция метафоры, поскольку именно в эвфемизмах отражается квалификативно-оценочная деятельность сознания.

К метафорической группе вторичных номинаций примыкают звукоподражательные слова, фонетический состав которых воспроизводит характерный звуковой облик предмета или явления. Такие эвфемизмы служат названиями «звучащих предметов»: ножа, пули и других. Например: вместо «нож» [3, с. 2485], *сурус*, *чурус* в м. *быһах* «нож»⁶, *туктуй* в м. *сүгэ* «топор» [4, с. 146], *токутар* в м. *куртуйах* «тетерев» [3, с. 2712], *күнкүчэх*, *ат күнкүһэ* — «гулко раздаваться» в м. *солуур хаата* «сумка от котла» [3, с. 1306], *сыыгыр* — «шипеть» в м. *буорах* «порох» [4, с. 131], *хонкунуур* «бренчащий» в м. *хобоо* «бубенчик» [3, с. 3487; 4, с. 187], *сирдьигиниир* в м. *бочугурас* «рябчик» [4, с. 118]. Являясь непосредственным воспроизведением различных звуков, звукоподражательные слова обладают лексико-семантическим содержанием и отличительными признаками. Необходимо отметить как вполне закономерное явление то, что большая часть вторичных номинаций звукоподражательного происхождения (около 10) является эвфемизмами животных и птиц.

По значению звукоподражательные слова, согласно их классификации в «Грамматике современного якутского литературного языка» [6, с. 367–368], мы разделили на 2 группы: (1) обозначающие голоса, т. е. звуки, производимые голосовым аппаратом; (2) обозначающие другие звуки. Звукоподражательные корни первой группы можно разделить на следующие подгруппы:

- обозначающие крики птиц. В эвфемистическом словаре название вороны заменяется словом *даах*, передающим крик этой птицы. Или ворона же именуется производным словом *даабынай* [3, с. 663]. Эвфемизм *токутар*, называющий и глухаря, и тетерева, образован от звукоподражательного корня *ток*, который воспроизводит крик этих птиц в определенный (брачный) период;
- обозначающие голоса мелких зверьков: *чыып* — писк мыши, например. Отсюда вторичные номинации этого зверька: *чычыр*, *чигыр* [4, с. 197].

Звукоподражательные корни второй группы являются условными обозначениями разнообразных звуков живого мира. В эвфемизме *туктуй* слышится стук топора [4, с. 146], в номинациях *сыркы*, *сурус*, *чурус* — резкий звук ножа⁶. Ружейная пуля, пролетая, издает пронзительный звук, подобный ржанию лошади: *кистиир* — это название пули (*саа буульдьата*) [3, с. 1114]. *Бочугурас* «рябчик» в охотничьем языке называется *сирдьигиниир*: в данном эвфемизме воспроизводится шипящий, свистящий звук *сир* от крыльев резко взлетающей птицы. Вторичная номинация *сынсыыара* «то, чем нюхают, шмыгают», обозначающая *тайах тангыыта* «ноздри лося», основана на звуках, издаваемых ноздрями лося [3, с. 2471]. Звукоподражательные номинации, отличаясь чувственно-наглядным характером своей семантики, ярко звукописуют предмет или явление.

Другой многочисленной группой эвфемизмов являются номинации, основанные на метонимии. Метонимические наименования встречаются довольно часто, так как объясняются наличием прямого контакта между говорящими. Могут быть отмечены различные типы

⁶ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976, с. 216, 303.

метонимических переносов, например, по связи в пространстве (местоположение): *ойуурдаабы* «лесной, в лесу обитающий» в м. *эһэ* «медведь» [3, с. 2932], *урдүкү* «вышенаходящийся» в м. *күн* «солнце» [4, с. 168]; по связи во времени: *сайынгы* «летний» в м. *эһэ* «медведь» [4, с. 112], *туунну* «ночной» в м. *ый* «месяц» [4, с. 154], *кэнэбэски* «последующее» в м. *кэнники* «послед у коровы и кобылы» [3, с. 1029]; как материал и изделие из него: *мас* «палка» в м. *тайахха иитиллибит айа* «самострел на лося» [4, с. 84], *хардабас* «длинный отщепок (осколок) дерева, полено» в м. *айа* «самострел» [3, с. 3357; 4, с. 84]; как действие и результат этого действия: *бобуйуохха* «задушить» в м. *баайахха* «привязать»⁷ *отой* «надрезать, отрезать» в м. *быс* «резать» [4, с. 103].

Закономерно, что эвфемизмы орудий труда и промысла, предметов домашнего обихода и даже частей человеческого тела (например, рука как орудие труда) содержат в себе указание не на внешний характерный признак, а на функцию предмета: *кыбытар* «щемило» в м. *чааххаан* «чархан»⁸, *бобуйар* «душило» в м. *туһах* «петля» [4, с. 20], *иһилшир* «слухало» в м. *кулгаах* «ухо»⁹, *салбанара* «то, чем облизываются, лизало» в м. *тайах тыла* «язык лося» [4, с. 113].

К метонимической группе заменных слов примыкают номинации, переосмысление значений которых основано на синекдохе. Это наименования целого, замененные названием отдельной его части. Интересно, что к этой группе относятся слова, обозначающие представителей животного мира, характерные приметы которых известны и значимы для охотников: *тумустаах* «с клювом» в м. *саһыл* «лиса»¹⁰, *бэлиэлээх* «снабженный знаком, с приметой, с заметкой, с отметкой» в м. *кырынаас* «горноста́й» [3, с. 430], *тынгырахтаах* «ногтистый, когтистый» в м. *бөрө* «волк» [3, с. 1271]. И вновь эвфемизм мы можем встретить в загадках: *Бэрт киһи бэйэтигэр бэлиэлээх*. «Добрый молодец на себе мету имеет»¹¹.

Также синекдоха свойственна вторичным номинациям, в которых называется род вместо вида, когда налицо расширение значения слова: *аһылык* «кушанье, корм» в м. *от* «трава» [3, с. 178], *балык* «рыба» в м. *собо*, *мунду* «карась, голянь» [3, с. 358], *хамнаа* «двигаться» в м. *кыыр* «камлать, шаманить»¹². Такой метод эвфемизации основан на том, что всякое родовое понятие включает в себе несколько видов, и мы употребляем слово с общим родовым значением, чтобы избежать резкости значения более точного слова.

Эвфемистическая субституция часто опирается на синонимику слов. В роли вторичных номинаций выступают слова, близкие по значению запрещенным названиям: *кырыа* (1) куржевина, куртак, иней, изморозь, влажность, замерзшая на стенах, деревьях и проч. в

⁷ Образцы виллойских эвфемизмов, собранные С.И. Николаевым и Г.Р. Кардашевским / Николаев С.И. // К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сб. статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. — Якутск: Институт языка, лит-ры и истории, 1961. — с. 66.

⁸ Образцы виллойских эвфемизмов, собранные С.И. Николаевым и Г.Р. Кардашевским / Николаев С.И. // К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сб. статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. — Якутск: Институт языка, лит-ры и истории, 1961. — с. 64.

⁹ Образцы виллойских эвфемизмов, собранные С.И. Николаевым и Г.Р. Кардашевским / Николаев С.И. // К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сб. статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. — Якутск: Институт языка, лит-ры и истории, 1961. — с. 63.

¹⁰ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976, с. 247.

¹¹ Якутские загадки / Сост. С.П. Ойунская. — Якутск: Кн. изд-во, 1975. — с. 137.

¹² Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976, с. 278.

сырые холодные дни, (2) снег (хаар), снежная пороша [3, с. 1421–1422] в м. *хаар* «снег»¹³, *дарбаан* «шум, беспокойство» [3, с. 676] в м. *тыас* «шум» [4, с. 39], *килбээр* «блестящий, блеск» [3, с. 1085–1086] в м. *сырдык* «светлый, ясный, свет, сияние, осияние, светлость»¹⁴ [3, с. 2428], *анабас* «клык» [3, с. 103] в м. *тиис* «зуб»⁹, *мөкү* «гадкий, мерзкий, пошлый, скверный, отвратительный, некрасивый, худой, дрянной, негодный, последний» в м. *куһаҕан* «худой, дурной, злой, плохой...» [3, с. 1603], *нуртаа*, *нуктаа* «вздремнуть, придремывать» [3, с. 1760] в м. *утуй* «спать» [4, с. 95], *оргул* «куча, кучка» [3, с. 1862] в м. *хайа* «гора» [4, с. 102]. Большое количество примеров подтверждает особую продуктивность данного способа.

Запрещенное слово и эвфемизм могут располагаться и на плоскости семантической противоположности, то есть могут возникнуть антонимические семантические совокупности. Так начинают употребляться эвфемизмы, компоненты значений которых противопоставлены семантике табуированного слова, например: *үтүөлэт* «уважить» в м. *олордуу бааһырт* «смертельно ранить» [4, с. 170], *танастаа* «снабжать кого одеждой» в м. *сүл* «снимать шкуру» [3, с. 2554], *ньалбан* «только облизаться в буквальном смысле» [3, с. 1706] в м. *аһаа* «кушать, есть» [4, с. 96]. При этом, благодаря конситуативности, контекст должен был указывать на истинное семантическое значение подставного слова. Интересен сам принцип привлечения противоположного члена дихотомической структуры. Таким образом, в основе табуирования лежит стремление скрыть истинное значение слова, может быть, даже прибегнув к слову с совершенно полярным, противоположным значением.

Большой интерес представляет использование в табуированной речи иноязычных слов вместо якутских. Можно сказать, что в этих случаях происходило наложение одного слова (иноязычного) на его табуированный синоним. В наших примерах, в основном, это заимствования из русского языка: *миэстэ* (рус.) «место, занятое чем-либо, пространство, ночлег» в м. *хонук сир* «место для ночлега» [3, с. 1567], *лыысай* (рус.) в м. *хайыһар* «лыжи» [3, с. 1485], *мэһэмээн* (рус.): (1) безмен — мера веса (2) берестяная посудинка, имеющая форму перевернутого усеченного конуса, служит меркою для молока, масла и пр., в м. *чабычах* «берестяное лукошко» [3, с. 1563–1564], *топпор* (рус.) в м. *сүгэ* «топор»¹⁵, *чымыдаан* (рус.) в м. *бэрэмэдэй*, *матага* «переметная сума, кожаная сума» [4, с. 196], *эрээпчик* (рус.) в м. *бочугураc* «рябчик»⁹. Сами якуты объясняли подобную замену тем, что, мол, духи не понимают русских слов. На наш взгляд, здесь явно проступает столь важное для мифологического сознания противопоставление «свой — чужой» [7, с. 3].

Широко представлены и заимствования из языков малочисленных народов Севера, то есть коренных языков (эвенского, эвенкийского, юкагирского). Например, *сэксэ* (*сэттэ*) в м. *сэтир* «подстилка из ветвей» [3, с. 2181], произошло от эвенкийского *сэктэ* «подстилка из хвойных веток, постель»^{14, 16}, *чуогуйа* (юкагирское тогойэ) в м. *быһах* «нож»¹⁷; *чымчаан*

¹³ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976, с. 138; с. 71.

¹⁴ Образцы вилюйских эвфемизмов, собранные С.И. Николаевым и Г.Р. Кардашевским / Николаев С.И. // К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сб. статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. — Якутск: Институт языка, лит-ры и истории. — с. 65.

¹⁵ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 243.

¹⁶ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 223.

¹⁷ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 298.

(эвенское *чимчэн* «мизинец») в м. *туйах* «копыто»¹⁸. Следует отметить, что иноязычные слова, заимствованные из коренных языков, часто функционировали в качестве подставных названий животных. Так, вторичная номинация медведя *мээмэчэ* образована от юкагирского *мэмэ* «медведь»¹⁹. Или *накыйбаан* переделано, по мнению А. Кулаковского, из тунгусского *накыта* (*накыта* — от эвенкийского *накыта* «медвежья шкура, медведь»²⁰, «медведь» [8, с. 411]). Есть заимствования среди эвфемизмов лисы: *наараган* — эвенкийское *нараган* «лиса»²¹. Факт заимствования подставных названий животных из языков народов Севера обусловлен, вероятно, тем, что охота является их традиционным родом деятельности.

Использование диалектных слов — это один из активных приемов эвфемизации. По нашим подсчетам, на материале «Диалектологического словаря якутского языка» диалектизмы, используемые в качестве вторичных номинаций, употреблялись в северных районах — Булуномском, Усть-Янском, Момском, Абыйском²¹. Например, в Момском улусе маленького зайца (*кыра куобах*) называют *балтаан* «зайчонок»²²; в Верхнеколымском в м. *унуу* «копье, пика» говорят *тайанар* «подпорка»²³, действие *эккирэт*, *туруор* «поднимать зверя, преследовать» получило название *суһугурт*²⁴. Все эти слова имеют в словаре помету харыс тыл (х.т.).

Вторичными номинациями в табуированной речи иногда выступают и архаичные, устаревшие слова. Это группа эвфемизмов была выделена еще А.С. Луковцевым, в качестве примеров им приводятся заменные слова *барымта*, употребляемое в м. *танас* «одежда», *сынаба* — в м. *хамыйах* «ковш» [9, с. 103].

Особым отдельно стоящим принципом эвфемистической субституции является использование комплиментарных, «задабривающих» названий (по терминологии Т.В. Цивьян) [10]. По нашим материалам, это довольно значительная группа, например, названия сверхъестественных существ: *танара* «небо, как божество, бог, богиня, божество» — в м. названия *үөр*, настоящее имя которого *Хаан Чээкэй* [3, с. 2551]; *айыы* «общее название высших существ (добрых духов, гениев), олицетворяющих собою начала творчества и добра» — в м. *улахан үөр* «сильный ёр — блуждающая душа» или *көстөр абааһы* «видимый абааһы» [3, с. 49]; *ньаадьы* «кума, воспитатель, воспитательница» — в м. *дьиэ иччитэ* «дух-хозяин дома, домовый, хозяйка скотского хлева» [3, с. 1704]. Суеверный страх перед потусторонними силами подталкивал прежде всего к применению этого принципа эвфемизации. К этой же группе примыкают вторичные номинации некоторых сильных, беспощадных и жестоких животных. В первую очередь, это эвфемизмы медведя: *кырдыаҕас* «старец, престарелый, старик рода, родоначальник, старейшина» [3, с. 1416]; *тойон* «господин, владыка» [3, с. 2708]; *тыя кинээһэ*

¹⁸ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 305.

¹⁹ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 16.

²⁰ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 173.

²¹ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 172.

²² Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 59.

²³ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 233.

²⁴ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 220.

«князь леса»²⁵ и другие. Следует выделить такую деталь: обычно комплиментарные названия выражаются в уменьшительно-ласкательной форме. Таковы эвфемизмы *эһэкээн*, *эбээх*, *эбээкий*, *эбээкэ* (*эбэкэ*), *эбээчэ*, *эбэм*, относящиеся к могучему и свирепому животному.

Совершенно противоположной предыдущим эвфемизмам является еще одна группа вторичных номинаций — мы назовем их «уничижительными». Например, в дорожном языке или на охоте якуты называли *хаарбах* «неважный, плохой» весьма нужную и ценную вещь — *салыыр* или *солуур* «котел, котелок» [3, с. 3352]. Ситуация охоты, видимо, способствовала более частому использованию данной группы эвфемизмов. Так, первый помощник охотника собака (*ыт*) получает такие подставные названия, как *бөх* «мусор» [3, с. 529; 5, с. 69] и *сыыс* «мусор» [3, с. 2493; 5, с. 222]. И наконец, самому охотнику выбирают предпочтительно вторичные номинации уничижительного, пренебрежительного характера: *харамай* «насекомое» — в м. *киһи*, *булчут* «человек, охотник»²⁶; *саҥа харамай* «новое насекомое» — в м. *саҥа булчут* «начинающий охотник»²⁷; *сыппах* «тупой» — в м. *үөрүйэбэ суох саҥа булчут* «начинающий охотник»²⁸, *сытыган* «гнилой, гниющий; вонючий, зловонный, смердячий; вонючка; гниль; вонь» [3, с. 2505] — в м. *үөрүйэх кырдыаҕас булчут* «опытный, старый охотник»²⁹. Эвфемизмы подобного рода, давая пренебрежительную, порой даже негативную, неприятную оценку, преследуют одну цель: оберегать охотника и обеспечить удачную охоту.

Рассмотренные языковые средства построения заменных слов демонстрируют функционирование лексической системы в области эвфемизма в семантическом плане. В заключение необходимо отметить, что наиболее интенсивно использовались разные тропы: они позволяют обобщать, сравнивать и отражать в языковой форме свойства реальных объектов.

Арсенал средств языковой техники номинации, служащих для этой цели, достаточно богат; в табуированной речи якутского языка используются метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, синонимия, антонимия, иноязычные слова, диалектные слова, устаревшие слова.

Из семантических средств и приемов создания вторичных номинаций наиболее активно используются логические формы тропов, а также принципы синонимической, гиперогипонимической субституции. В основе последних лежит логическая перифраза, не прямое описательное обозначение предмета и явления действительности.

Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичных номинаций, нередко соответствуют компонентам значения табуированного слова, например: *сылбырхай* «жидкий» и *уу* «вода»; *улуу кыыл* «огромное животное» и *тайах* «лось»; *төгүрүк* «круглый» и *кытыяа* «деревянная чаща». В большинстве случаев смысловые компоненты эвфемизма не совпадают с дистриктивными признаками табуированного слова, а соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии. Культурный и исторический фон, окружающий каждое слово, является неотъемлемым компонентом значения номинации.

²⁵ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 253.

²⁶ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 28.

²⁷ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 203.

²⁸ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 221.

²⁹ Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. — М.: Наука, 1976. — с. 222.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pavlova I.P., Gorbunova Ya.Ya. Taboo in traditional linguistic cultures (based on the Yakut language and Russian old-time dialects of Yakutia) // Revista Entrelenguas. — 2021. — Vol. 7. — No. esp. 4. (In editing and translation process). <https://periodicos.fclar.unesp.br/entrelenguas/article/download/15626/11693/52069>.
2. Диянова А.М. Повседневные запреты в традиционной культуре барабинских татар // Омский научный вестник. — 2011. — № 4(99). — С. 219–222.
3. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3-х томах. — М.: АН СССР, 1958–1959.
4. Луковцев А.С. Якутско-русский словарь терминов охоты и рыболовства / В рукоп. вар. Фонд научной библиотеки АН РС(Я), 1975.
5. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979. — С. 147–173.
6. Харитонов Л.Н., Дьячковский Н.Д., Иванов С.А., Коркина Е.И., Петров Н.Е., Слепцов П.А. Грамматика современного якутского литературного языка. — М.: Наука, 1982. — 496 с.
7. Габышева Л.Л. Семантическое и структурное сходство якутских паремий // Поэтика эпического повествования. — Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. — С. 118–123.
8. Кулаковский А.Е. Научные труды. — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — 484 с.
9. Луковцев А.С. Слова-табу в лексике якутских охотников // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии. — Якутск: ЯНЦ СО РАН СССР, 1980. — С. 91–104.
10. Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации. Избранное: в двух книгах. — М.: Наука, 2008. — 314 с., 390 с.

Pavlova Irina Petrovna

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia

E-mail: ipavlova27@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-7412>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=402871

Methods of euphemistic substitution in taboo speech (based on the Yakut language)

Abstract. The article deals with the problem of linguistic taboos and euphemisms in the material of the Yakut language and Sakha culture. In the traditional culture of the Yakut people, the phenomenon of taboo led to the creation of substitute words in the language system, which are secondary nominations. Studying the mechanisms of their emergence, it is possible to study the interaction of human thinking, its language and the surrounding reality. The aim of our study was the means of euphemisms formation: an extensive dictionary of euphemisms, compiled by the author on the basis of several sources, is subjected to study. The various techniques of euphemistic substitution are identified primarily in terms of semantics. The euphemism and the tabooed word are linked in most cases by a metaphor based on figurative associations. At the same time, there is a transposition, which is based not only on semantic, but also on the functional juxtaposition of the linguistic units. Euphemisms are nominations based on metonymy, synecdoche, synonymy, antonymy, foreign words, dialectal and obsolete words are used as substitutes. The principles of synonymic and hyper-hyponymic substitution are also relevant. The latter are based on the logical periphrasis, an indirect descriptive designation of the object and phenomenon of reality. In most cases, the semantic components of euphemisms are related to the background knowledge of native speakers about a given reality. The cultural and historical background surrounding each word is an integral component of the meaning of the nomination. The presence of a special term *kharys tyl* in the Yakut language, naming protective words, i.e. euphemisms, demonstrates a special attitude to the word performing magical functions in the human collective.

Keywords: traditional culture; taboo; euphemism; *kharys tyl*; trope; transposition; secondary nomination